Парфенов Леонид 24.2.2000.

ТЕЛЕШОК

Общая газ. – 2000. – 24 февр. – с. 11.

Слава ТАРОЩИНА

История от Парфенова – это модно!

НЕДАВНО Леониду Парфенову исполнилось 40 лет. 15 из них он работает «в кадре». Л.П., однако, не просто ровесник «перестроечного» экрана, а знак и символ. И не случайно, что именно он наиболее точно определил суть сегодняшнего ТВ: оно, полагает Парфенов, обретается между шампунем и прокладками.

Других сия «экологическая» ниша смутила бы. Парфенова – нисколько. Он числится главным в отечестве специалистом по массовому сознанию. Л.П. одарил массы, с одной стороны, нескончаемыми, как прокладки и шампунь, старыми песнями о главном, с другой – новым ритмом, темпом, иронично-парадоксальной интонацией. Много это или мало? Много, если говорить о ТВ вообще. Мало, если иметь в виду парфеновские амбиции заполнить собой значительную часть эфирной сетки НТВ.

Даровитый Парфенов знает: главное в творчестве – найти нужный звук. Его звук материализовался в слове «намедни». Архаизм из разряда замшелых «надысь-кубыть» автор оттер до блеска, придав термину расширительное понятие. Похоже, Л.П. решил «онамеднить» едва ли не всю Россию. Вначале, в свой самый адекватный период, программа «Намедни» рассказывала о неполитических событиях недели; затем – о главных вехах нашего триумфального шествия к светлому будущему в 1961 – 1999 годах; ныне автор замыслил блокбастер, посвященный 300-летию империи – повествование начнется Северной войной 1700 – 1721 гг. Оно, конечно, верно – с точки зрения вечности, Петр I царствовал намедни. Да только история вообще и «история в прайм-тайм» (любимый тезис Парфенова) – это разные понятия.

То, что смотрят в лучшее вечернее время, должно отличаться занимательностью текста и красочностью картинки. Для Л.П. этого маловато; он все-таки примеряет тогу самого элитарного человека в самом массовом из искусств. Посему он придумывает оригинальный ход: наша история нуждается не столько в трактовках (уж этого добра навалом), сколько в инвентаризации. Вот Парфенов и возложил на себя тяжкую, но почетную миссию инвентаризатора эпохи. Он как тот французский историк, который утверждал: самое интересное – знать, сколько стоил пучок лука, когда голова Людовика скатилась в гильотинную корзину.

Пучок лука чрезвычайно волнует нашего бытописателя. А вот корзины с миллионами отрубленных голов Парфенов как бы и не замечает – для него начало важнейшего этапа родной истории счастливо совпадает, точнее, почти совпадает с годом собственного появления на свет Божий. Посему «Намедни» и зиждется на опорных датах 1961 – 1999. Наш Геродот выстраивает историю на плацу единого синонимического ряда. Изобретение колготок, по его справедливому мнению, столь же значительно, как первый полет в космос, а кончина маршала Жукова пребывает в соседстве с фильмом «Высокий блондин в черном ботинке». Пока речь шла о годах более или менее удаленных, этот прием срабатывал. Инвентаризация оказалась штукой полезной: причинно-следственные связи между событием и его сегодняшним звучанием определял сам зритель.

Но вот Парфенов запускает в эфир второй транш проекта – «Намедни 1992 – 1999». И прием, на мой взгляд, дает сбой. Выясняется, что эти годы мы помним слишком отчетливо. Стоит Парфенову сообщить краткое содержание серии (например: «1994-й – год слова из трех букв – МММ»), как уже можно ставить точку – у зрителя тотчас включается спектр близких ассоциаций. Эмоциональная память о недавно минувшем меняет оптику. Зритель требует не одни лишь факты, но и аргументы, предъявленные историзмом мышления.

Впрочем, историзм мышления – самая ненавистная для Л.П. категория. «Главное для меня, – формулирует он свои творческие приоритеты, – сделать модный продукт, не поступаясь темой». Именно таким продуктом, сработанным опять же на инвентаризаторском принципе «Намедни», должно было стать и последнее парфеновское увлечение: укладывание культовых персонажей разного калибра – от Пушкина до Жванецкого, от Солженицына до Хазанова – в телеформат полного собрания сочинений.

Да только они, на мой взгляд, никак не укладываются. Что особенно заметно на примере Жванецкого и Хазанова. Увековечивание всего созданного Михаилом Михайловичем навевало прежде всего питейные аллюзии: зачем бутылку марочного коньяка разбавили ведром воды? Похоже, это понял и сам чуткий Парфенов. Хазановский сериал «Жил-был я» гораздо интереснее с точки зрения замысла – дать образ времени через человека, лучше других это время воплотившего. Ларчик, однако, не открывается. Л.П. перемешивает хронологию с географией, тщательно отделывая штрихи и детали. Но они никак не складываются в единое полотно. Живого, любимого всеми Хазанова все нет и нет. Геннадий Викторович с большим остроумием рассказывает о себе как о представителе почетного братства шпаны замоскворецкой. В этом ему умело помогает заслуженный работник соц-арта Парфенов, по привычке упивающийся кинохроникой 50-х. Таким образом, мы уже знаем почти все о раннем детстве замечательного артиста, но не понимаем, что есть сегодня, по мысли Парфенова, казус Хазанова.

Маленький Гена очень любил футбол – тут все ясно. Зато неясно другое – когда и как взрослый Гена стал испытывать приливы нежных чувств к властям предержащим? Парфенова такие мелочи не трогают. Ему вообще претит любой социально-исторический пафос, все эти шестидесятнические примочки. Ну а то, что зрителя волнует не столько, скажем, детская привязанность Хазанова к тете Груне, соседке по коммуналке, сколько его дружба с Коржаковым, – это не парфеновские проблемы. Он – свободный художник, самовыражающийся за счет частной телекомпании.

Главный слоган автора вселенских «Намедни» я бы определила так: «История от Парфенова – это модно!». Ибо Л.П. – гений эстетического камуфляжа. Он не создает новую реальность, а лишь блистательно стилизует ее. Впрочем, лучше Жванецого и тут не скажешь: Парфенов – человек с тонким чувством чужого юмора.

105